

БЫТЬ ДВОРЯНКОЙ

Жизнь высшего
светского общества

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Как жили женщины разных эпох

**Быть дворянкой. Жизнь
высшего светского общества**

«Алисторус»

2017

УДК 394.011(47)
ББК 63.5(2)

Быть дворянкой. Жизнь высшего светского общества /
«Алисторус», 2017 — (Как жили женщины разных эпох)

ISBN 978-5-906914-87-3

Жизнь дворянки в светском обществе XIX века начиналась с ее первого бала. В своем сложном тюлевом платье на розовом чехле вступала она на бал так свободно и просто, как будто все эти розетки, кружева, все подробности туалета не стоили ей и ее домашним ни минуты внимания, как будто она родилась в этом тюле, кружевах, с этой высокою прической, с розой и двумя листками наверху. Первый бал для дворянки знаменовал начало взрослой жизни. Рауты и балы, летние вечера в дворянских усадьбах и зимние приемы в роскошных особняках, поиск женихов, помолвка и тщательные приготовления к свадьбе... Обо всем этом расскажут героини книги: выдающиеся женщины петербургского светского общества, хозяйки литературных салонов, фрейлины, жены и возлюбленные сильных мира сего.

УДК 394.011(47)

ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-906914-87-3

, 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Елена Владимировна Первушина	6
Анна Петровна Керн (Маркова-Виноградская)	14
№ 1	14
№ 2	16
№ 3	19
№ 4	23
№ 5	25
№ 6	28
№ 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Быть дворянкой
Жизнь высшего светского общества
Составитель Елена Первушина

© Е. Первушина (авт. – сост.), 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Елена Владимировна Первушина

Предисловие

Что первым приходит в голову, когда мы говорим о XIX веке. Какой образ? Золотое шитье мундиров и белые платья с кринолинами? Пары, плывущие в вальсе? Светский раут или вечер в тихой усадьбе? В любом случае эта картинка скорее всего будет связана с жизнью дворянства. Только редкий оригинал правдолюб припомнит в первую очередь, например, стихи Некрасова:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую...

Меж тем дворянство составляло всего 1,5 % от населения России. Из них 2/3 семейств являлись дворянами потомственными, а 1/3 – пожалованными за личные заслуги или в соответствии с занимаемой должностью.

В число потомственных дворян входила прежде всего допетровская знать, старинные боярские роды, но также и большое число «выдвиженцев» петровского времени, получивших дворянство и земельные наделы за службу государству.

За время своего краткого правления Петр III успел принять весьма важный манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Этим законом, впервые в истории России дворяне освобождались от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, могли выходить в отставку и беспрепятственно выезжать за границу. Однако по требованию правительства обязаны были служить в вооруженных силах во время войн, для чего возвращаться в Россию приходилось под угрозой конфискации землевладений.

«Первый бал Наташи Ростовой».
Художник Л. Пастернак. 1893 г.

«Он предложил ей тур вальса. То замирающее выражение лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой. „Давно я ждала тебя“, – как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка своей просиявшей из-за готовых слез улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея».

(Л. Толстой «Война и мир»)

Основные положения указа Петра III были подтверждены законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 года в известной «Жалованной грамоте дворянству 1785». Эти законы позволили дворянам жить на доходы со своих земель и не заниматься государственной службой, если к тому не лежала душа. Кроме того, дворяне имели право, не вступая в купеческую гильдию, торговать сельскохозяйственной или промышленной продукцией, произведенной на собственной земле. До 1863 года дворяне-землевладельцы имели исключительное право заниматься винокурением. Если дворянин за совершение преступления бывал приговорен к смертной казни или лишению прав дворянского состояния, его наследственная собственность отходила к его законным наследникам, а не подвергалась конфискации государством. Екатерина также впервые созвала Уездные дворянские собрания и повелела каждые три года избирать местных дворян для отправления судебных и полицейских функций в сельской местности. Официальными руководителями и представителями дворянства в его новой корпоративной роли стали уездные предводители дворянства – административное учреждение, тоже созданное в 1766 году для данного случая.

Всю внутреннюю политическую историю России в XVIII–XIX веках можно рассматривать, как историю компромиссов между императорской семьей и крупным дворянством. Император Павел I частично отменил привилегии дворянства, что и послужило одной из причин его убийства. Александр I, взойдя на престол, тут же вернул дворянам отнятые у них права. Николай I урезал право выезда за границу и восстановил обязательность службы государству для приписанных к Западным губерниям польских дворян, владевших менее чем сотней крепостных. Дав свободу крепостным, Александр II ликвидировал самую ценную из дворянских привилегий. Последовавшие за этим массовые продажи ставших без дарового труда убыточными имений и исход дворян в города многими воспринимались как «гибель России». Однако некоторые современные историки, проанализировав документы тех лет, приходят к выводу, что капитал, вырученный как от продажи, так и от залога земли, чаще всего вкладывался в торговлю и промышленность, где приносил куда большую прибыль, чем в сельском хозяйстве. Таким образом те, кто был связан с землей лишь по праву рождения, предпочли распрощаться с «отеческими наделами» и попытаться удачи на ином поприще. Многие дворяне воспользовались новыми возможностями и переехали в города, где обрели более родственную культурную среду и новое положение в общественной жизни. Оставшееся на земле меньшинство продолжало сокращаться по численности и по площади принадлежавших ему земель, но зато это меньшинство превращалось в группу преданных своему делу, ориентированных на рынок и на прибыль производителей.

Несмотря на то, что судьба дворянки внешне представлялась завидной, главная проблема, стоявшая перед ней, была той же, что и для крепостной крестьянки: отсутствие личной свободы. Может быть, несвобода дворянки не очевидна на первый взгляд, но ее было легко обнаружить при взгляде более пристальном.

Сословное положение, социальный статус и образ жизни женщины в России XIX века зависели от происхождения ее отца и отчасти мужа. Буквально до самого конца XIX века женщина не могла сделать собственной карьеры, она получала положение в обществе лишь через рождение или замужество. Имея обязанности взрослого человека, она обладали правами и возможностями ребенка. Такая жизнь могла на первый взгляд показаться веселой и беззаботной, но на самом деле было очень сложной. Женщины-дворянки были вынуждены в буквальном смысле жить тем, что они выпросят или выманят у мужчин. Три наших героини каждая по-своему решали эту проблему.

* * *

Анна Петровна Полторацкая (с первым замужестве – Керн, во втором – Маркова-Виноградская) была родом из семьи небогатых орловских помещиков, вместе с родителями она сначала жила в усадьбе деда с материнской стороны – орловского губернатора Ивана Петровича Вульфа, а позже – в уездном городе Лубны Полтавской губернии. Она вышла замуж в 17 лет, и вышла не по любви, а по воле родителей, за пятидесятидвухлетнего генерала Ермолая Федоровича Керна. Характер у генерала Керна был весьма суровый и деспотичный, и Анна предпочитала проводить как можно больше времени вдали от него. Правда, она родила генералу двух дочерей, но воспитанием ребенка и «сохранением семейного очага» занималась безо всякой охоты. Тем больше Анна ценила дружеские отношения – с семьей Раевских, с семьей Олениных и наконец с семьей Вульфов. В петербургском доме Олениных в 1819 году она познакомилась в Пушкиным и окончательно влюбила в себя поэта, когда гостила летом 1825 года в псковском имении Прасковьи Осиповны Вульф Тригорское, которое располагалось совсем рядом от Михайловского, где коротал свои дни ссыльный поэт. Именно этому «случайному сближению» усадеб и судеб мы обязаны появлением на свет знакомых нам с детства строк: «Я помню чудное мгновенье».

Но знакомство с Пушкиным было, хотя и ярким, но отнюдь не единственным романом в жизни Анны. Ее дневники пестрят фамилиями и псевдонимами мужчин, удостоившихся ее благосклонного взгляда. Потом она полюбила своего троюродного брата 16-летнего кадета Первого Петербургского кадетского корпуса, Александра Маркова-Виноградского, переехала к нему, порвав со светским обществом, родила сына и, дождавшись смерти Керна, во второй раз вышла замуж. Это случилось 25 июля 1842 года.

Вместе с мужем и ребенком (сына, как и отца называли Александром) она долго жила в деревне Сосница Черниговской губернии – в доме деда Анны Петровны. К тому времени Анна уже была больна туберкулезом, и родные боялись везти ее в Петербург. Чтобы как-то свети концы с концами Анна подрабатывала переводами, потом продала свою переписку с Пушкиным. Когда она обратилась к поэту с просьбой познакомить ее с издателем Смирдиным, тот в ответ только высмеял ее. Но Анны писала из деревни сестре мужа Елизавете Васильевне Бакуниной: «Бедность имеет свои радости, и нам хорошо, потому что в нас много любви... может быть, при лучших обстоятельствах мы были бы менее счастливы...»

Позже они все же переехали в столицу – второй муж Анны был не богат, и чтобы зарабатывать на жизнь нашел место гувернера, затем столоначальника в департаменте уделов. Супруги встречались с Ф. И. Тютчевым, П. В. Анненковым, И. С. Тургеневым. Потом Александр Васильевич вышел в отставку и бедность снова поселилась в их доме... Анна Петровна с мужем умерли в один год. Он – 28 января 1879 года, она – пять месяцев спустя – 27 мая.

* * *

Другая героиня этой книги – Александра Осиповна Смирнова (по мужу Россет) родилась на Украине в 1809 году. Ее отец – француз, из старинного рода, был комендантом порта Одессы и умер во время эпидемии чумы, когда дочери было всего пять лет. Мать вскоре вторично вышла замуж за И. К. Арнольди, с которым маленькая Александра не поладила. Ее увезли к бабушке, а позже отдали на воспитание в Петербург, в Екатерининский институт. Выйдя из стен института, Александра очень не хотела возвращаться в родной дом и встречаться с отчимом, который во время приезда в Петербург недвусмысленно приставал к ней, поэтому она была рада принять приглашение занять место при дворе. Она быстро прижилась во Фрейлинском коридоре, вместе с двором ездила с Москву и в Царское Село, скучала на приемах и

весело проводила время со своими подругами-фрейлинами. В Павловске она познакомилась с семейством знаменитого историка Карамзина, а на одном из балов – с Пушкиным. Александр Сергеевич оценил ее красоту и живой характер, но в своих стихах обращенных к князю Вяземскому, он отдает предпочтение Анне Олениной, за которой тогда ухаживал.

Она мила – скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!

(Забавно, что в первоначальном варианте, записанном в альбом Олениной, вторая строчка читается «твоя Россетти, егоза»). Видимо недаром друг и учитель Пушкина Василий-Андреевич Жуковский называл ее в своих стихах «небесным дьяволенком»).

Сама же Александра признавалась позже биографу Пушкина П. И. Бартеневу: «Ни я не ценила Пушкина, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков, мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания».

Однако позже, когда Александра уже перестала быть фрейлиной, хотя и осталась светской женщиной, Пушкин посвятил ей такие стихи:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпой вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

В 1832 году Александра выходит замуж за сына богатого помещика, молодого дипломата Николая Михайловича Смирнова. «В начале я была к Смирнову расположена, – будет она позже рассказывать человеку, которого полюбит. – Но отсутствие достоинства оскорбляло и огорчало меня, не говоря уже о более интимных отношениях, таких возмутительных, когда не любишь настоящей любовью».

В своем салоне она собирала литературную элиту Петербурга. Ее гостями были Пушкин, Одоевский, Вяземский, Жуковский и многие другие.

Ее первый ребенок – мальчик – оказался слишком крупным и умер во время родов. Тем не менее Александре очень хотелось иметь детей, хотя врачи и не рекомендовали ей этого. «Как я люблю чувствовать, как движется маленькое существо, – писала она, – если что-то острое, говоришь себе: ножка или ручка, если круглое – головка».

Во второй раз забеременела в 1834 году. По этому поводу Пушкин пишет жене: «Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у Карамзиных, ей не встать брьюха на такую лестницу...», позже: «Смирнова на сносях. Брюхо ее ужасно; не знаю, как она разрешится...».

Однако на этот раз все обошлось, хотя роды и сопровождались по свидетельству Александры «ужасающим кровотечением». Она благополучно родила двух дочерей Александру и Ольгу и отправилась в Баден-Баден на воды поправлять здоровье. Там она пережила по ее словам «роман всей своей жизни» – влюбилась в генерал-губернатора Молдавии и Валахии Николая Киселева, бывшего сослуживца мужа.

Муж вечерами играл в рулетку, а она рассказывала Киселеву о своей жизни, о замужестве и отвращении к интимным отношениям с мужем, о радостях беременности и тяготах родов, о своих детях. В то время она снова была беременна и родила несколько месяцев спустя дочь Софью.

В 1837 году она похоронила трехлетнюю Александру, позже родила дочь Надежду и долгожданного сына Михаила.

В 1838 году, на время возвратившись в Петербург, Александра познакомилась с М. Ю. Лермонтовым. Литературоведы считают, что он описал свои впечатления в неоконченной повести «Лугин»: «...Она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы, оттеняли ее молодое и правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли. Лугин... часто бывал у Минской. Ей красота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением...»

Позже в Риме Александра сдружилась с художником Александром Ивановичем Ивановым и с Николаем Васильевичем Гоголем. Много лет Смирнова с Гоголем вели переписку. Он посвятил ей свои статьи в сборнике «Выбранные места из переписки с друзьями»: «Женщина в свете», «О помощи бедным», «Что такое губернаторша» – к этому времени муж Александры стал калужским губернатором.

Умерла Александра Осиповна в 1882 года Париже, согласно завещанию похоронена в Москве.

* * *

Имя третьей героини этой книги не так широко известно публике, а между тем Вера Петровна Желиховская была родом из очень интересной и необычной семьи. Ее мать Елена Андреевна Ган приходилась двоюродной сестрой поэтессе Евдокии Ростопчиной. Другой ее кузиной была Екатерина Сушкова, а которую одно время был страстно влюблен Лермонтов. Екатерина познакомила свою двоюродную сестру с поэтом, и он произвел на нее очень сильное впечатление. Говоря о родстве Ган и Желиховской остается добавить только, что среди их предков по женской линии была Наталья Долгорукая, невеста ближайшего друга Петра II. Которая после смерти юного императора и опалы его приближенных все же не отказалась от своего жениха и уехала вслед за ним в Сибирь, а после, вернувшись в Петербург, написала «Своеручные записки», которые считаются первыми женскими мемуарами, написанными на русском языке. Имея такую родню, не мудрено, что Елена тоже стала писательницей. Ее перу принадлежит повесть повести «Медальон», «Суд света», «Теофания Аббаджио», «Напрасный дар», «Любонька», «Ложа в одной опере». Ее произведения получили одобрение Тургенева и Белинского.

Родная сестра Елены, Екатерина, вышла замуж за Юлием Федоровичем Витте и таким образом известный российский государственный деятель, министр финансов России Сергей Юльевич Витте приходился нашей героине кузеном. А родной сестрой Веры Андреевны была не кто иная, как... знаменитая теософка Елена Андреевна Блавадская.

Вера Петровна унаследовавшая талант матери, также стала писательницей. Но ей пришлось жить в совсем другие годы. Она родилась в 1835 году, когда еще жив был Пушкин, а умерла в 1896 в буквальном смысле слова «вместе с веком». За это время в России многое

переменилось. Если в начале века девушка или женщина, учившаяся слишком много или изучавшая «не женственные» дисциплины, рисковала оказаться белой вороной и вместо восторгов заслужить славу «нелюдимки» (так назвалась одна из пьес Евдокии Ростопчиной), «философки» или «синего чулка». То в конце его необразованные и экзальтированные девицы, которых по старинке выпускал Смольный институт, получали от своих сверстниц-гимназисток презрительные прозвища «институтки» или «кисейные барышни».

Вера Петровна отнюдь не была кисейной барышней. О ее характере лучше всего скажет название одной из ее книг «Мала былинка, да вынослива». Она вышла замуж за директора гимназии в Тифлисе В. И. Желиховского и еще при жизни мужа начало публиковать очерки в местных журналах. Желиховский умер в 1880 году и Вера Петровна перебралась в Петербург, где публиковала книги для детей и юношества (в том числе несколько фантастических повестей), сотрудничала с журналами «Игрушечка», «Родник», «Детское слово», «Задушевное чтение», «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение». Защищая память своей сестры она написала статьи по теософии, а также книгу о таинственных явлениях человеческой психики «Необъяснимое или необъясненное».

Умерла Вера Сергеевна в Петербурге, была похоронена в Одессе.

* * *

В течение XIX века женщины завоевали права, получили возможность строить свою жизнь по собственному выбору. Завоевали не только политической борьбой, но и литературным трудом. Конечно, не без трудностей и не без ошибок, но ведь трудности и ошибки были и раньше, а вот возможности их исправить не было. Но тут же перед ними встал новый вопрос: как женщины могут преобразовать общество, сделав его более справедливым и комфортным для себя и для других? Искать ответ на него пришлось уже женщинам XX и XXI века.

«Вечеринка».
Художник В. Маковский. 1875–1897 гг.

Анна Петровна Керн (Маркова-Виноградская) Дневник для отдохновения, посвященный Феодосии Полторацкой, лучшему из друзей

№ 1

Псков, 23 июня 1820.

Я обещала поверять вам все мои мысли, а также поступки, ни в чем не меняя порядка, который заведен был у нас в то блаженное время, когда мне не приходилось прибегать для этого к помощи пера и бумаги. Время это прошло безвозвратно, и оплакивать его бесполезно. Я утешаюсь надеждой, сией опорой несчастных: вера в божественное провидение позволяет мне уповать на будущее. Неужто и в будущем, хотя бы самом отдаленном, небо откажет мне в той единственной милости, о коей я прошу его в горячих моих молитвах? Нет, невозможно мне быть счастливой вдалеке от тех, кого я люблю. Итак, я здесь прозябаю, усердно стараюсь выполнять долг свой, во всем следуя наставлениям добродетельного моего друга, навсегда запечатлевшимся в моей памяти: мне удастся быть почти спокойной, когда я занята, а без дела я никогда не сижу, постоянно читаю либо пишу что-нибудь, сама поверяю счета, занимаюсь своей дочерью, словом, за весь день, можно сказать, минуты свободной нет, но если вдруг что-нибудь напомнит мне Лубны, мне делается так больно – невозможно описать вам чувства, которые меня тогда охватывают. Чтобы обрести сколько-нибудь спокойствия, мне надобно позабыть о пленительном призраке счастья, но как вычеркнуть из памяти ту единственную пору моего существования, когда я *жила*? Как расстаться со сладостной мечтой души моей? За те упоительные дни блаженства и должна я теперь покорно и терпеливо сносить все. Да, никто никогда не любил так, как любила я, и ни у кого еще не было более достойного избранника. Откладываю перо, боюсь совсем разволноваться.

Вообразите, куда ни брошу взгляд, всюду нахожу я раздирающие душу воспоминания: вот подсвечник, подарок лучшей и нежнейшей из матерей, а вот передо мной мой *альбом*, сей «Язык цветов», с помощью которого я могу беседовать с вами, мой ангел, слева от меня – образа, напоминающие мне то место, где они прежде находились. У меня иной раз до того разыгрывается воображение, что чудится, будто их трогает моя судьба и они печалются о том, что я несчастна. Представьте себе, я не могу надеть то платье, в котором ходила у вас, мне кажется это чем-то кощунственным, я сшила себе новое, домашнее – оно-то хоть не будет связано ни с какими воспоминаниями, мне подарил его муж, оно из коричневой материи, как [неразб.] и обошлось, кажется, всего в 23 рубля. Есть еще и другие платья, вызывающие кое-какие нежные воспоминания, я даже смотреть на них не могу, слишком делается от этого грустно.

Звонят к вечерне, завтра праздник, Иванов день! Только для вашей Анеты нет больше праздников! В том счастливом краю, где живете вы, в этот вечер горят веселые огни, а у меня здесь все те же огни *жасмина*.

24-го, полдень.

Только что вернулась от обедни. По чрезмерной своей мягкости, я дала себя уговорить и вопреки собственному желанию поехала в монастырь, где нынче престольный праздник, а следовательно, много народу. Обедню служил архиерей. Очень я раскаивалась в том, что поехала, и мысленно давала себе слово не быть впредь столь сговорчивой. Когда искренне жаждешь предаться молитве, делается не по себе в толпе всех этих людей, которые обычно приходят

в церковь лишь затем, чтобы покрасоваться. Невольные слезы, что исторгает молитва из глубин взволнованной души, не могут свободно излиться среди такого множества людей, устремивших на тебя свои взоры. Так было и сегодня со мной. Я проклинала себя за несносную свою податливость и дорого бы дала, чтобы остаться незамеченной и иметь возможность вволю поплакать, благодаря создателя за прежние дни счастья, что он даровал мне. Я твердо решила отныне ходить только в ту церковь, где менее всего бывает народу.

25-го, в 5 часов пополудни.

Нынче я в самом мрачном расположении духа, то есть еще более мрачном, чем все прошлые дни. Я и сама не понимаю, отчего я стала всего бояться, даже стала суеверной, – сущий пустяк, сон какой-нибудь, и я уже сама не своя; вот сегодня мне приснилось, будто я потеряла правую серьгу, а потом нашла ее сломанной, и мне уже кажется, что это не к добру, и не иначе как предзнаменование какое-то, потому что я никогда и не думаю о подобных вещах, а ведь снится нам, я в этом уверена, только то, о чем мы думаем. С тех пор как мы с вами расстались, не было ни одной ночи, чтобы мне не приснились Лубны, только на первом месте в этих снах Мирт, а Барвинок на втором.

Не кажется ли вам, милый друг, что сны посылаются нам небом, дабы, утешая нас в наших горестях и уменьшая наши печали, тем самым вознаградить за дневные страдания. Я всякий раз, когда мне снится, будто я с вами, возношу благодарность господу за его милость, и тогда почти уверена, что он мною доволен.

Погода нынче отвратительна, муж отправился на учения за восемь верст отсюда. До чего я рада, что осталась одна, – легче дышится. Все сегодня словно сговорились мучить меня воспоминаниями – Киру Ивановичу вдруг пришла фантазия сыграть на гитаре несколько мотивов, и выбрал он как раз те самые, что играл в Лубнах, а я не могу слышать их спокойно. Но от чего я совсем разволновалась, так это от польского – помните, мы танцевали его несколько раз под гитару? Никогда этого не забуду; как больно мне, когда я вспоминаю о вас, и вместе с тем как хорошо. Эти чувства так теснят мне грудь, что становится трудно дышать.

Я сделала выписки из одной очень хорошей книги, которую только что прочла, «Эмили Монтань», посылаю их вам с этим номером дневника вместе с размышлениями, к коим они меня побудили; я уверена, что вы, как и я, найдете в этих отрывках много справедливого, ведь у нас с вами родственные души, все, что трогает меня, должно тронуть и вас, все, что меня поражает, должно и вас поразить. Но в одном я твердо уверена – что бы ни послала вам ваша Анета, все будет вам только приятно.

26-го, в 10 утра, суббота.

Благодарю тебя, о господи, за счастливое пробуждение. Спасибо, мой ангел, за ваше письмо, да будет с вами благословение божие, да осыплет он вас бесконечными своими милостями. Если бы вы только могли вообразить себе, до чего я была счастлива, получив ваше письмо, – просто невозможно выразить это словами. Я обожаю Шиповника и Барвинка, так ясно представляю себе, как он благодарит вас взглядом, исполненным нежности; у меня выписано тут одно выражение, которое очень подходит к его глазам: «Я не знаю человека, которому так полезны были бы глаза его, ему словно нет даже надобности произносить слова, чтобы быть понятым, они говорят все, что он хочет сказать». И в самом деле, ведь мы не обменялись с ним и десятью словами, а сколько друг другу сказали! Как хорошо я знаю его душу! Ведь она прекрасна, не правда ли, мой ангел, разве не достойна она общения с моей душой и с вашей?

№ 2

Мне пришла в голову одна мысль – помните эстамп, который я просила дать закончить тому юноше, – пусть он изобразит офицера в форменном сюртуке, со скрещенными на груди руками, это будет точь-в-точь *Шиповник* во время нашего последнего прощания. И я могла бы сама дорисовать то, что окончательно дополнило бы иллюзию, – то есть эксельбант.

Вот причина, почему я беспокойно провела ночь, – уснула я уже под утро, и мне привиделся сон – будто муж привел меня к предсказательнице, а та велит мне взойти в какую-то каморку, задает всякие вопросы, а потом вдруг говорит, что скоро я соединюсь с Шиповником. Вы представить себе не можете, до чего я поражена была, когда она произнесла его имя.

Суббота, в половине пятого.

Как я сегодня счастлива! Читала и перечитывала ваше прелестное письмо более десяти раз. Кто еще может похвалиться тем, что обладает подобным сокровищем? Да никто. Ваша Анета единственная счастливица. Небо подарило ей друга, которого нет больше ни у кого на свете.

Прежде всего скажу, что я во что бы то ни стало избавлюсь от этой особы, мы не можем оставаться вместе, слишком у нас несхожие характеры, чтобы мы долго могли выносить друг друга. Не хочу поднимать истории, подожду, пока мы найдем няню.

А теперь позвольте к этому присовокупить мои выписки вместе с их переводом, я сама его сделала, для того чтоб вы, если понадобится, могли бы познакомить с ними тех, кто недостаточно владеет французским; а может быть, вам и самой приятно будет иметь их на обоих языках: «*Le cours de la vie n'est qu'un passage triste et languissant si l'on n'y respire l'air doux de l'amour*» – «Течение жизни нашей есть только скучный и унылый переход, если не дышишь в нем сладким воздухом любви».

Разве это не бесспорная истина, мой ангел? Вы, быть может, скажете, что когда нет любви, ее можно восполнить дружбой? На это я отвечу вам: только в том случае, когда речь идет о дружбе, подобной нашей, – но ведь дружба наша та же любовь, я не то что люблю, я обожаю вас, и будь вы мужчиной, вы были бы моим избранником... но вы лучше меня, и я не смею продолжать сие сравнение. Вот что говорится в моем романе о чувствительности: «*O, quel charme nous trouvons dans la sensibilité; c'est la pierre d'aimant qui attire tout a elle. La vertu peut exiger de l'estime, l'esprit et les talents de l'admiration, la beauté peut exciter un désir passager; mais Il n'y a que la sensibilité qui puisse Inspirer l'amour*», – разумеется, автор хотел сказать: «*le véritable amour*», то есть *истинную любовь*, как определил ее в своем переводе ваш друг. «Какую неописанную прелесть мы находим в чувствительности. Это магнит, притягивающий к себе все. Добродетель вправе требовать уважения, разум и дарования – удивления; красота может возбудить желания, но одна только чувствительность может внушить истинную любовь».

Именно она связывает и нас с вами, и уж тут-то можно сказать: «*Il est bien triste que le bonheur ou le malheur de notre vie soient ordinairement décidés avant que nous puissions juger de l'un ou de l'autre (это относится только ко мне!). Retenus par la coutume ou par les préjuges bizarres et ridicules, nous nous laissons entrainer par l'exemple de la multitude; ce n'est que quand Il n'est plus temps que nous commençons a penser*». К этому я бы еще добавила, что мы не умели думать и, полагая в этом наше счастье, принимали решения, которые сделали нас на всю жизнь несчастными. «Как прискорбно, что счастье или несчастье целой жизни нашей бывает обыкновенно решено прежде, нежели мы в состоянии судить о том или другом. Удерживаемые обычаем, а иногда и предрассудками странными и смешными, мы бываем увлечены общим примером и тогда только, когда уже не время, начинаем размышлять».

Я нахожу, что все это верные мысли, некоторые из них я могла бы подтвердить собственным моим опытом, не так ли, мой ангел? И самый лучший из них, по-моему, тот отрывок, в котором любовь рассматривается в связи со священными узами брака, здесь его взгляд совершенно совпадает с моим; я уверена, что и вы с этим согласитесь: «On dit que les mariages qui ne se font purement que par amour sont malheureux... Oui, les mariages dont la seule passion a forme les nœuds sont toujours Infortunes; la passion se satisfait et la tendresse s'évanouit avec elle; mais l'amour (истинная) cet aimable enfant de la sympathie et de l'estime vous enchaine dans les liens d'une félicité continuelle. C'est l'unique bonheur qu'on puisse souhaiter... C'est quelque chose de plus que l'amitié, animée par le gout le plus vif et par le plus ardent désir de plaire... Le temps au lieu de ternir cette affection délicieuse la rend de jour en jour plus vive et plus Intéressante». И напротив, вовсе неверно, будто любовь может возникнуть при равнодушии друг к другу; я думаю, что равнодушие порождает одно лишь равнодушие, если не отвращение, а у натур заурядных и грубых – привычку. Я подобные истины объявляю ложными! «Говорят, что супружества, заключенные по страсти, всегда несчастливы... Так, супружества, основанные на одной только страсти, не могут быть благополучны. Страсть удовлетворена, и нежность исчезает с нею. Но любовь, сие любезное дитя симпатии и уважения, связывает нас узами бесконечного блаженства; это единственное счастье, позволительное желать. Она есть искуснее, нежнее дружества, оживляемого самым живым вкусом и пылким желанием нравиться. Время, не истребляя этой нежной привязанности, делает ее день ото дня живее и приятнее».

Ежели бы теперь, в мои годы, мне нужно было решать свою судьбу – уж я бы сумела быть счастливой. Но не будем об этом говорить, надобно терпеть, а главное, не позволять себе роптать.

Прошу вас, милый друг, устройте так, чтобы не он переписывал «Трумфа». Во-первых, не хочу, чтобы муж что-нибудь заподозрил, вздумав сличать «Трумфа» с почерком, которым написаны стихи в моем альбоме. Во-вторых, это значило бы опозорить его руку, комедия эта недостойна того, чтобы он ее переписывал.

И еще прошу, ежели только вы этого не сделали, передайте ему «Мой друг-хранитель» и пообещайте, что если он его потеряет, ему это будет прощено. Уведомьте меня, если вы это уже сделали.

Посылаю вам лоскуток материи, из которой сшиты мои домашние платья, а по кисету, который я посылаю папеньке, вы увидите, какое платье я купила себе в Орше за 80 рублей, оно вроде того, что было на г-же Таубе, эта материя называется персидский шелк; такого же цвета и платье, которое мне привезли из Петербурга, – оно из той же материи, что и мое белое, муаровое, отделка у него прелестная, да только оно с короткими рукавами, и я не хочу надевать его, пока не сделаю к нему длинные рукава. Не хочу показывать свои красивые руки, как бы это не привело ко всяким приключениям, а с этим теперь покончено, и я буду обожать Шиповника до последнего своего вздоха, разумеется, однако, если он останется мне верен – свое сердце я отдаю в обмен на его. О, какая прекрасная, какая возвышенная у него душа!

Как вы думаете, ведь папеньке будет приятен этот кисет? Я бы ничего больше не успела сделать, но я сама его шью, вы мне напишите, понравится ли ему он? Скажу вам, что я еще никуда не выезжала. Но на той неделе поеду к губернаторше и тогда надену это синее платье; оно сшито под шею и с длинными рукавами по тому фасону, как у Мальвины, что у вас на картинке осталось. Я поеду тоже к нашей полковнице. Я рада, что мне это позволили. Она добрая женщина, и лучше, мое правило, жить в миру со всеми; терпеть не могу быть в ссоре! Насчет Кира Ивановича скажу вам, что он более не сердится и обещал мне писать к папеньке и маменьке; вы, наверно, думаете, что Ольга Андреевна причиною его неудовольствия. Он со мной был довольно откровенен – признался, что ему было приятно видеть, что маменька так хорошо к нему расположена, но что папенька, приехавши из Петербурга, ни слова ему не сказал и при прощанье закричал, что все только на словах, а на деле ничего, что ему было больно.

Я всячески старалась его извинить, и теперь он все забыл. Я думаю, что вы по этой же почте получите удостоверение.

№ 3

В 7 часов.

А я все продолжаю писать, не боясь наскучить вам своей болтовней. Завтра воскресенье, пойду к обеду, буду благодарить господ за сегодняшний день – когда бы один такой день выпадал мне на долю каждую неделю, как я была бы счастлива! Вы будете получать мои письма тоже раз в неделю, только придется вам тратить на них много времени – пожалуй, хватит чтения до следующей почты. Посылаю вам, мой ангел, два платка, которыми муж позволил мне распорядиться по моему усмотрению. Я помню, вы однажды выразили желание иметь полосатый платок. Другой я хочу подарить Ольге Андреевне, она женщина бедная, ей это будет приятно, да и к свадьбе пригодится. Возьмите себе, мой ангел, тот, который больше вам понравится, и носите его из любви к вашей Анете, а для нее нет большего счастья, чем сделать вам что-то приятное. Другой же пошлите от меня Ольге Андреевне. Мне черный больше нравится, а впрочем, как вы хотите, моя бесценная. Я бы желала, чтобы и вам черный понравился. Пишите мне, мой ангел неоцененный, мое сокровище. Пишите во имя всего, что вам дорого. Употребите все старания, чтобы быть скоро здоровой, берегите себя для меня. Чтобы не подвергнуть себя вашему гневу, я не скажу вам, сколько драгоценно для меня ваше здоровье; оставляю перо, чтобы приняться за работу для папеньки. Обнимаю вас, мой ангел, и благословляю мысленно так же, как и Шиповника.

Воскресенье, в 10 часов утра.

«Для дружбы нужны самые солидные добродетели; она обыкновенно приобретается справедливостью, постоянством и твердой однообразностью характера. Любовь же, напротив, восхищается всегда сим неизъяснимым *je ne sais quoi*¹. Она сама и для себя только рождает идола, которому поклоняется, она находит прелести в пороках даже своего предмета». О, как это справедливо. Никогда не забуду, когда Шиповник рассердился.

¹ Нечто (*фр.*).

Анна Петровна Керн

(урожденная Полторацкая, по второму мужу Маркова-Виноградская; 1800–1879) – русская дворянка, в истории более всего известна по роли, которую она играла в жизни Пушкина. Художник А. Арефов-Багаев. 1840-е гг.

Но видите ли, только что проснулась – и за перо. Сейчас еду к обедне. У нас очень холодно. Я надеваю черный бархатный капот, и он имеет для меня сладкие воспоминания. Целую ваши ручки и посылаю вам доброго дня, благодаря бога за прекрасный сон. Целую Шиповника глазки, увы! мысленно.

Сейчас возвратилась от обедни, была в соборе, усердно молилась богу, вспомя Троицын день. Архиерей служил, и певчие очень хорошо пели. Я была одна, совершенно одна. Вообразите, каково мне было, вспомя Лубны, мою бесценную маменьку. Сердце сильно у меня билось, когда я въезжала под большой каменный свод и подъезжала к воротам церкви; мне каза-

лось, что я одна во всей природе, и когда вошла в церковь, насили могла перевести дух; я пошла по левую сторону, где меньше было народу, и недалеко от левого крылоса заняла пустое место у стены, между двух очень бедных старушек. До половины обедни я спокойно молилась, но вдруг я заметила, что глаза всех мужчин устремлены на меня, чего никак нельзя было избежать, ибо они стояли на правой стороне, совершенно против меня; добрый мой телохранитель стоял недалеко позади меня. Еще более меня потревожило то, что двое мужчин неподалеку от меня стояли, и увидела пьяных или сумасшедших, разговаривающих между собой, мне казалось, про меня. Я вспомнила вас, мой ангел. Вот что значит слабость нервов. Мне так сделалось дурно, что я чуть не упала и решила позвать к себе Кира И. и после была спокойнее, спешила скорее из церкви, никого не видела. Голова и теперь кружится.

В 5 часов пополудни.

Только что у меня был весьма интересный разговор с мужем, сейчас вам его перескажу. Он говорит, что слышал, будто с генералом, который командует в нашем корпусе второй дивизией, случился апоплексический удар, он лежит в параличе, и поэтому есть слух, будто дивизию эту передадут мужу; если же нет, он тотчас же по возвращении императора хочет ехать в Петербург и там возложить устройство своей судьбы на меня. Он обещается, если мне это удастся, сделать для меня все, что я захочу, а самое главное мое желание – съездить в гости к вам. Вы рады? В благодарность за столь приятное обещание я дала слово, что сделаю все, что будет в моих силах, чтобы добиться у императора этого назначения.

Еще он сказал, что ежели получит эту дивизию тотчас же, то позволит мне поехать к вам осенью. Так что я теперь почти уверена, что так или иначе увижу вас еще до конца этого года. Разве это не восхитительно, мой ангел? Сообщите об этом Шиповнику и перескажите мне его ответ. Пока я еще не смею и верить, что такое счастье возможно. Вы скажете, быть может, что это будет стоить слишком много денег, а я вам скажу, что нет, потому что в Риге очень дорога жизнь, а мы именно там будем квартировать, ежели планы осуществляются: к тому же ведь я тогда буду богатой – и жалование большое, и аренда, что и делать с такими деньгами, как не доставлять себе удовольствия в жизни, а для меня единственное удовольствие – это Лубны. Все другие места на свете мне безразличны.

Скажу вам, что мы с минуты на минуту ожидаем Лаптева, а потом корпусного командира. Муж хотел было устроить в его честь обед, но сделать этого не может, потому что не в ладах с Лаптевым, а я этому только рада – на мой взгляд, все это такие ничтожные люди, у меня охоты нет видеть кого-либо из них, всякое новое лицо меня стесняет, не хочу никого видеть. Это очень верно, что «il est dangereux de trop se livrer aux charmes de l'amitié. Ils affaiblissent le gout qu'on a pour les sociétés ordinaires»².

Да, мой ангел, после тех приятных бесед, что мы с вами вели, я уже не нахожу никого, с кем могла бы разговаривать. На мою беду, у меня нет середины – все или ничего – мой нрав таков; я либо холодна, либо горяча, а равнодушной быть не умею. Поговорите-ка с Шиповником о моих планах, будет рад он, если я приеду в сентябре? Как, на ваш взгляд? О, если бы вы могли ответить на это! Если бы могли сейчас услышать меня!

Нынче у нас обедал один молодой человек, он адъютант Магденки, брат его дамы сердца, юноша весьма воспитанный и хорошего тона. Можете себе представить, я вышла только к обеду. Для меня просто мучение видеть кого-либо. Он сразу же затеял со мной любезный разговор – как видно, он был изумлен, увидев меня, только я ему, должно быть, показалась странной, чудной, или же глупой: я ведь не похожа на других! Признаюсь, иной раз я немножко кокетничаю, но теперь, когда все мои мысли заняты одним, я уверена, нет женщины, которая так мало стремилась бы нравиться, как я, мне это даже досадно. Вот почему я была бы самой

² Опасно слишком предаваться очарованиям дружбы, ибо она отбивает вкус к общению с другими людьми (фр.).

надежной, самой верной, самой некокетливой женой, если бы... Да, но «если бы»! Это «если бы» почему-то преграждает путь всем моим благим намерениям. Можете быть уверенной, что Шиповника я буду любить до последнего своего вздоха, так что не беспокойтесь, несчастных из-за меня будет не так уж много, вы же знаете, что иной раз это получается помимо моей воли. Так что просто из сострадания к мужскому полу я решила как можно реже показываться на людях, чтобы избавить его от страданий несчастной любви. Впрочем, довольно мне шутить, ангел мой. Это случается со мной только после добрых вестей. Этот дневник весь пропитан моей печалью.

№ 4

6 часов.

Сейчас перечла конец третьего номера и подивилась, какие глупости я там понаписала. Ну, да все равно – они вас рассмешат, но вы не станете слишком осуждать меня за них и не отвратите от меня своего сердца. Если я заставлю вас посмеяться несколько минут – я этому буду только рада. Только я вам советую не вдруг читать мой журнал, он может повредить вашему здоровью, и тогда я себе этого не прошу. Еще раз прошу вас, мой ангел, берегите свое здоровье, если хотите, чтобы я свое берегла, – нити наших жизней так тесно переплелись между собой, что ни одна из нас не может заболеть, не нанеся ущерба здоровью другой.

Я провела только что целый час в обществе нескольких офицеров нашей бригады и чуть не умерла со скуки. До чего же противные! Но когда ты спокоен, смотришь на них безо всякой досады, словно на китайские тени, – только и разницы, что эти говорят, – но наперед знаешь все их вопросы и ответы. Расстаешься с ними совершенно равнодушно.

Я оставила их заканчивать беседу с моим мужем; вы догадываетесь о предмете их разговоров – единственно доступном пониманию этих людей *без души*. Бедная я! Свою душу я стараюсь спрятать подальше, скрыть ее, насколько это мне удастся, и разговаривать с ними возможно более пошлым тоном.

А теперь, мой ангел, поздравляю вас с именинами дорогого папеньки. Хоть бы вы провели этот день веселее, чем проведет его ваша Анета! Уж верно, в этот день у вас будет и Шиповник. Это будет послезавтра. Я уже представляю себе, как вы, мой ангел, беседуете с милым моим Шиповником, стараясь успокоить прекрасную его душу, которая, я уверена, опечалена будет моим отсутствием. Поговорите с ним обо мне, скажите ему, что я хотела бы быть ему другом. На сей случай хочу привести слова героини моего романа: «*Le voir, l'écouter, être son amie, la confidente de ses projets... Etre sans cesse témoin des sentiments de cette âme généreuse et sublime... Je ne céderais pas ce plaisir pour l'Empire du monde*». «Его видеть, его слышать, быть его другом, поверенной всех его предприятий... Быть беспрестанно свидетельницей всех чувствований этой прекрасной и великой души. Я не уступила бы сего удовольствия за обладание царством вселенной».

Во имя самого неба, прочтите ему этот отрывок, напишите, что он сказал. А вот еще один: «*Les gens qui donnent tout au sens, et ceux qui n'ont que de l'indifférence, ne verront dans mon affection qu'un sentiment romanesque. Qu'il est peu de cœurs susceptibles d'aimer! Ils pensent sentir de la passion, de l'estime, Ils en peuvent sentir le mélange et c'est l'amour le mieux imité. Mais connaissent – Ils le feu qui vivifie, cette tendresse animée qui nous jette dans l'oubli de nous – même et nous transporte, dans une autre sphère, lorsque le bien-être, l'honneur et la félicité de l'objet que nous aimons y est intéressé?*» – «Люди, которые все относят к чувственности, или равнодушные почтут мою привязанность за романическое чувство. Сколь мало сердец, способных любить. Они могут иметь страсть, иметь почтение, они могут чувствовать и то и другое вместе: это только хорошее подражание любви, но знают ли они сей животворящий огонь, сию живую нежность, заставляющую вас забывать о себе, переноситься в другую сферу, когда касается до благополучия и чести обожаемого нами предмета?»

Не знаю, понравится ли вам этот перевод, в нем, конечно, есть ошибки, но у меня нет словаря. Дайте ему это прочесть, если возможно, мне бы так этого хотелось, не откажите мне, доставьте мне это удовольствие, вы сделаете меня счастливой. Если бы вы были не вы, разве стала бы я говорить вам все это? Но я надеюсь на вашу снисходительность. «*Les épanchements d'un cœur, tendre ne peuvent se verser que dans le sein d'une amie qui est affectée de la même*

sensibilité»³. Посылаю вам много писем, перешлите их по адресу, одно из них к Каролине; когда узнаете, где она, отправьте его ей. На сегодня прощаюсь с вами, ангел мой, обнимаю вас, желаю вам доброй ночи и приятных сновидений. Того же желаю и Шиповнику, да хранит его господь и вашу Анету вместе с ним. Прощайте, устала. До свидания, мой ангел.

Понедельник, 28 июня, в час.

Все письма готовы, милый друг. Посылаю их вам – одно из них к Каролине. Как грустно мне будет завтра: ведь это также день именин дорогого моего Поля. Поцелуйте его покрепче за меня, мой ангел. Я послала купить что-нибудь, чтобы передать ему. Буду в отчаянии, если ничего не найдут. Мне до того хотелось бы доставить ему удовольствие: я так его люблю. Прошу вас, посоветуйте Шиповнику прочитать один роман: «Леонтина», соч. Коцебу. Скажите ему, что вам хочется его прочесть, потому что я вам о нем говорила и нахожу в нем много схожего с историей моей жизни. И знаете что? Не будем больше называть его Шиповником, я нашла для него другое, более красивое имя – Иммортель⁴. Оно соответствует и его чувствам – помните, как однажды он все повторял слово «вечно», а в последнюю нашу встречу, когда я пожалела, что его шляпа забрызгана грязью и совсем испорчена, он сказал: «Ничто не вечно». Так вот, отныне называйте его Иммортелем.

Прощайте, мой ангел, пора кончать, хотя бы ради того, чтобы побережь ваши глаза, они, должно быть, устали, если вы читаете все это подряд. Итак, вы получите кусочек от вседневного мундира моего, который не возбуждает *сладких воспоминаний*. Только это не цвет моей души, это просто случайность. Я бы предпочла черный цвет.

Три часа пополудни.

Уже три часа, и я спешу успеть к почте. Прошу вас, обожаемый друг мой, передайте ему от меня тысячу приветов, скажите, как я благодарна за то, что он сразу же выполнил мое поручение. Я ведь понимаю, как ему, верно, тяжело было прийти в наш дом после моего отъезда. Согласитесь, что это было большой жертвой с его стороны. Вероятно, он был очень взволнован.

Итак, прощайте, моя дорогая. Переимите мою методу писания, то есть пишите что-нибудь каждый день. Прощайте же, мой дорогой, мой нежный друг, поцелуйте за меня дорогого моего Поля, я ничего не посылаю ему, мне это очень грустно. Передайте ему это письмецо, оно будет ему приятно. Бог да благословит вас всех, а в особенности вас и моего Иммортеля. Как только уйдет почта, я снова начну писать вам обо всем, что стану делать, – и так до следующего почтового дня. Мне трудно кончить это письмо – так я все же с вами, а когда его унесут, я останусь опять одна.

О мой ангел, как я люблю вас! Некоторые отрывки из этого дневника вы можете прочитать милой маменьке. Поцелуйте ей за меня ручки, ножку ее больную. Скажите ей, что люблю ее так, что и выразить не могу. Скажите, что я готова была бы отдать половину своей жизни за то, чтобы другую половину провести подле нее и подле вас, мой ангелочек и мой друг, мое утешение; мое сокровище. Итак, прощайте, кончаю. Дневник этот сохраните: кто знает, может быть, наступят для нас более счастливые времена, и тогда мы вместе перечитаем его.

И еще прошу, ради самого бога: берегите свое здоровье ради счастья вашей Анеты. Тысячу раз целую ваши руки, ваши глаза. Иммортелю передайте, что я *вечно* не забуду его одолжения и вечно буду ему благодарна. Христос с вами. Пишите, ради самого бога.

1820. Псков

³ Излить чувствительное сердце можно лишь на груди подруги, той же чувствительностью охваченной (*фр.*).

⁴ Иммортель – бессмертник, растение с сухими лепестками.

№ 5

29 июня, 1 час пополудни.

Какой грустный у меня сегодня день! А между тем погода прекрасная, ярко светит солнце, оно озаряет всю природу, оно согревает, живит все, что дышит; одну меня оно не может согреть. Я хотела бы, чтобы день этот был не так хорош: плохо, когда природа находится в противоречии с душой нашей. Верно говорится: *«Когда на сердце ненастно, так и в ведро дождь идет»*.

Я была в церкви, в *соборе*, там было людей очень мало, потому что весь beau monde⁵ был у праздника. Я, по обыкновению, очень прилежно богу молилась, вспоминая Иммортеля. Я воображаю, что у вас в Лубнах сегодня очень весело, но не для вас, мой ангел; я знаю, что вы думаете о вашей Анете и сожалеете, что ее с вами нет, а Анету между тем снедают мимоза, жасмин, ноготки и все страдания, что неизменно сопутствуют мимозе, и никто представить себе не может, каково ей. О, сегодняшний день принесет мне много бед.

6 часов.

Слава богу, день почти прошел. За обедом мой драгоценный супруг заставил меня пережить маленькую неприятность, и я, совсем позабыв ваш добрый совет не принимать подобные пустяки близко к сердцу, чуть от этого не заболела.

Вы знаете, что люди всегда склонны по себе судить о других, и вот из-за невинной шутки мой дорогой супруг рассердился – сперва на то, что повар не ему, а мне пришел сказать, что он нынче именинник, а когда я, желая его оправдать, во время обеда пошутила, что это по моему департаменту, муж вообразил, будто я этим хочу напомнить, что повар принадлежит мне. Я думаю, будь я даже на такое способна, ему не следовало говорить это перед прислугой и своим дураком адъютантом. Но как же можно меня, столь деликатную в таких вопросах, заподозрить в подобной низости и так компрометировать перед всеми этими невеждами! Вы же понимаете, мой ангел, что тут никакая философия, никакой стоицизм не помогают, и относиться к этому хладнокровно нельзя! Я, признаться, от этого прямо заболела и сказала ему причину, когда он меня спросил. Но разве ему что-нибудь втолкуешь?

Меня против моей воли заставили поехать на прогулку, а вернувшись, я нашла визитную карточку Лаптева, который нарочно выбрал это время, чтобы нанести нам визит. Говорят, он очень зол на моего дорогого супруга. Сейчас был у нас Кир И. и спешил скорей уйти, боится долго оставаться.

Я по-прежнему много читаю – что бы я без этого стала делать! Читаю романы, дабы рассеяться. Что бы ни говорили против такого рода чтения, я считаю, что ничто не может лучше успокоить мои страдания. Соболезнуя героине романа, ее любви, я занимаю свой ум и отвлекаю себя от мыслей, которые завладели мной целиком. Будь это серьезная книга, я бы в ней все равно ничего не поняла – даже если бы вздумала читать ее вслух, потому что ум мой, сердце, воображение неотступно заняты лишь одной и той же мыслью. По-прежнему делаю выписки из всего, что читаю, и по-прежнему буду посылать их вам, милый друг.

Июня 30-го в 7 часов вечера.

Сегодня мне не о чем писать вам, мой ангел; занятия мои все так же однообразны, ничто в них не меняется; встаю я очень поздно, потому что только тогда и счастлива, когда сплю.

Хотела нынче ехать с визитами, но, на мое счастье, лошадь повредила ногу, и теперь все откладывается до завтра. Я бы рада была и вовсе от них избавиться, но это совершенно невоз-

⁵ Высший свет (*фр.*).

можно: вчера губернатор сам приезжал поздравить меня, а я в какой-то степени ему обязана, это у него я брала кибитку, без которой не могла бы приехать к вам. А он денег брать за это не хочет, ни за что не хочет.

«Неравный брак».

Художник В. Пукирев. 1862 г.

Забыла вам рассказать, за что мой муж сердит на Магденку: вы знаете, что мой муж всегда был неразборчив в выборе приятелей, чему доказательством Петр Мартынович. Помните то забавное письмо, которое я получила от некоего Андрева. Я слыхала от Магденки, что это

самый настоящий сумасшедший, человек очень злой, да к тому же еще интриган, так вот, муж сказал, что кто-то ему доложил, будто Магденко хвастал тем, что очень мне помог с моей поездкой (в сущности, это чистая правда, но, я уверена, он слишком благороден, чтобы такое сказать). И я не сомневаюсь, что это Андреев наговорил на него мужу, чтобы их поссорить. Я просто счастлива, что мне не пришлось видеть этого человека. Я теперь верю предчувствиям: помните ли, как я сердилась и была недовольна этим глупым письмом? Письмо моего мужа насчет Магденки огорчило меня не меньше. Нужно вовсе не иметь никакого характера, чтобы полагаться на свидетельство какого-то сумасшедшего против человека, которому он стольким обязан и который, мне кажется, достаточно доказал свою дружбу.

Но довольно об этом, мой ангел, теперь поговорим обо мне. Вспоминаете ли вы меня еще? Разумеется, вспоминаете – сужу по своему сердцу, а также по небольшому отрывку, который я только что перевела и, с вашего позволения, привожу здесь: «*Si l'on sent une cruelle peine en s'éloignant des lieux où réside un objet chéri, Il est plus douloureux encore de le voir disparaître de ceux où l'on reste àpres lui. Une seule personne aimée semble emporter avec elle tous les agréments du séjour qu'elle quitte; son Idée se retrace sans cesse, ranime le souvenir du plaisir que donnait sa présence; leur privation répand le dégoût à l'insipidité de tous les autres; chaque Instant est marqué par le regret d'un moment heureux; et pour une âme tendre tous le jours de l'absence sont des jours perdus*».

Если это верно, если у него столь чувствительная душа, как мне показалось, он, должно быть, страдает, и даже больше, чем я. Но больше меня страдать невозможно! И хоть здешние места совсем не связаны с ним, память о нем столь глубоко врезалась в мою душу, что уже самый контраст между нынешними и минувшими днями рождает о нем воспоминания. Присовокуплю русский перевод:

«Горестно удаляться от мест, обитаемых любезным предметом; но еще стократ горестнее оставаться в тех местах, от коих она (он) удаляется. Одно любезное существо, кажется, уносит с собою все приятности сего места. Образ ее носится там беспрестанно и возбуждает воспоминания тех удовольствий, которые доставляло ее присутствие; лишение оных распространяет скуку и отвращение на все прочее; всякая минута знаменуется сожалением о счастливейшей, и для нежной души дни отсутствия есть потерянные дни в жизни».

Я рада, ежели он думает об этом так же, как я и как автор «Христины», откуда я это выписала. А вы меня не браните, мой ангел, уповаю на доброту и снисходительность ваши, мой дорогой друг. Близко ли вы, далеко ли – я всегда говорю с вами совершенно откровенно. На сегодня прощаюсь, мой ангел. Расстаюсь с вами, чтобы пойти распорядиться насчет ужина, муж сейчас вернулся с учений, он всегда бранит меня, что я все занимаюсь. Он привез мне вишен – это здесь первые; а вы их там кушаете? Как бы я рада была поделиться ими с вами – от этого они стали бы для меня во сто крат слаще!

Все фрукты напоминают мне о тех апельсинах, которые я давала Иммортелю; а те, что он подарил мне, я ела дорогой и бережно храню от них корки в старой бумажке, которая, по счастливой случайности, попала мне в руки и оказалась исписанной его почерком – приказ по дивизии.

Прощайте, мой ангел, желаю вам доброй ночи, а также моему любезному Иммортелю, да посетят приятные сновидения вас обоих, ведь вы да еще моя добрая маменька – самое дорогое, что есть у меня на свете.

№ 6

Июль, 1820, 1-е число.

Добрый день! Будьте здоровы, обожаемый друг мой, так здоровы, как я вам того желаю. Я нынче прямо в ужасе – у нас будут к обеду посторонние, *мужчины* – старый генерал, два наших полковника и подполковник; нашего олуха адъютанта я не считаю, он как бы свой. Я бы отдала все на свете, чтобы избавиться от необходимости видеть этих людей, но, чтобы доставить удовольствие мужу, придется их принять. Не подумайте только, что мое отвращение к ним объясняется их возрастом или же недостаточной их учтивостью – вовсе нет – будь они даже прекрасны, как Антиной, и любезны, как Фонтенель, все равно я чувствовала бы то же. Ничто так не тяготит меня, как необходимость казаться веселой, когда мне грустно. Вы ведь сами, милый друг, сотни раз бранили меня за то, что я не научилась притворяться, хоть это и необходимо в этом мире.

Только что муж подарил мне прелестное платье. Он получил его от некоей г-жи Бибиковой в благодарность за то, что выполнил ее поручение в Риге. Очень красивый узор, особенно просветы хороши. Спешу вам его переслать с покорнейшей просьбой – велите сделать вышивку на кушаке и лифе и сообщить цену. Я не хочу, мой ангел, чтобы вы так деликатничали со мной в этих делах. Деньги могут понадобиться вам на лекарства. Вы же знаете, как я была бы счастлива оказаться вам полезной; так что сделайте милость, не церемоньтесь со мной, мой добрый друг, не то я вынуждена буду действовать совсем иначе, когда придет надобность просить вас о чем-либо, и тогда, вы это понимаете, между нами не станет прежнего доверия, а уж от этого я бы пришла в полное отчаяние. Так что, помня ваши обещания, уповаю, что вы время от времени постараетесь доставлять мне случай быть вам полезной.

Мне сегодня предстоит сделать визиты губернаторше и полковнице, которая уже была у меня первая. А 6-го, кажется, мы устраиваем торжественный обед в честь корпусного командира, он будет дан от лица всей бригады у нас в доме, что позволит избежать неприятностей с приглашением Лаптева и даст ему возможность отказаться. Меня – на мое счастье – на обеде не будет по той причине, что там будут одни мужчины. Это не очень-то учтиво, но я от этого просто в восторге: оба полковника глупы до чрезвычайности и, на мой взгляд, предурно воспитаны. Им следовало бы дать бал, чтобы поддержать честь второй бригады; сегодня уже почти окончательно решили, что обед будет устроен в складчину и на нем будут только мужчины; еще дан будет бал, тоже в складчину и тоже в нашем доме. Будет фейерверк, а я и полковница будем принимать гостей. Увы!

6 часов.

Вернулась из гостей. Губернаторша и ее муж премилые люди, так же как и все, кого я там видела. Меня очень хорошо принимали, а от полковницы я узнала, что, судя по всему, наш бал состояться не может. Самое большее будет обед, да и то не наверное.

10 часов.

Желаю вам доброй ночи, милый мой друг. Забыла рассказать вам, что видела нынче этого ужасного Андреева. Вошел он, когда мы уже собирались встать из-за стола. Трудно представить себе что-либо более безобразное – лицо отвратительное, просто отталкивающее. Добрейший Кир. И. сделал мне знак глазами, он еще раньше предупреждал меня, что это человек опасный, особенно для меня. Поэтому я старалась избежать разговора с ним; однако я заметила, что он не отрывает от меня глаз; немного поколебавшись, он подошел ко мне и спросил несколько странным тоном – долго ли я еще оставалась дома после возвращения отца, я отвечала ему очень сухо и коротко, что после его приезда оставалась еще две недели, потом

воцарилось молчание; я спросила, знаком ли он с моим отцом? Он ответил, что да, после чего, видя, что я не расположена продолжать разговор, спросил, сколько лет моей дочке, которая сидела подле меня. Я ответила, что ей два года, и отвернулась. Он и во второй раз попытался заговорить со мной, только я на его вопрос не ответила, и на этом дело кончилось. Я теперь совершенно убедилась – да и муж в том признался, – что это он сказал ту ложь насчет Магденки, я в этом была уверена. А теперь скажите, разве не права я была, когда рассердилась на то противное письмо и на письмо моего мужа, где он обвиняет Магденку? Чем больше я узнаю этого человека, тем более убеждаюсь, что он достоин моего уважения. На сегодня довольно. Доброй вам ночи, мой ангел. Желая сладких сновидений Иммортелю.

2 июля.

Я очень плохо провела сегодня ночь, мой ангел. Вчера я долго не могла уснуть. Перед глазами моими все стояло последнее прощание. Признаюсь вам, что намеренно не прогоняла от себя эти опасные и сладостные мысли, чтобы видеть приятные сны, но нет, этой ночью небо отказало мне в таком утешении. Нынче я мужа еще не видела, хотя уже почти полдень, он ушел до того, как я проснулась. Я встала, прошла в свой кабинет и там пила чай, как всегда в полном одиночестве, потом взяла книгу и тут вдруг, к удивлению своему, услышала гром. В Лубнах он никогда не бывал для меня столь неожиданным, потому что там, вставши, всегда первым делом глядела на облака, чтобы знать, хорошая ли будет погода, и даже угадывала по их движению, хороший ли будет вечер, но теперь мне это безразлично, и я только для того и взглядываю на небо, чтобы увидеть, не в нашу ли сторону плывут тучи, и тогда я спокойна за дорогую мою маменьку; и я призываю бога-громовержца посылать грозы лучше сюда, а не тревожить мирный покой лубенских жителей. Пусть наслаждаются они всегда ясным небом, пусть будут довольны и счастливы и пусть не забывают, что есть на свете душа, которая только о том и мечтает, чтобы разделить с ними это счастье.

Мне сейчас пришла в голову забавная мысль, и хоть вы, может быть, скажете, что я слишком самонадеянна и что-нибудь еще, все равно я выскажу вам ее. Представьте, я сейчас мельком взглянула в зеркало, и мне показалось чем-то оскорбительным, что я ныне так красива, так хороша собой. Верьте или не верьте, как хотите, но это истинная правда. Мне хотелось бы быть красивой лишь тогда, когда... ну, да вы понимаете, а пока пусть бы моя красота отдыхала и появлялась бы в полном блеске, лишь когда я того хочу. Вот странная мысль, наверно, скажете вы?

Половина шестого.

Какая тоска! Это ужасно! Просто не знаю, куда деваться. Представьте себе мое положение – ни одной души, с кем я могла бы поговорить, от чтения уже голова кружится, кончу книгу – и опять одна на белом свете; муж либо спит, либо на учениях, либо курит. О боже, сжался надо мной!

Мне нужно вам признаться в большой слабости, но ведь я обещала ничего от вас не скрывать. Представьте себе, мой ангел, что я иной раз нахожу успокоение в мыслях о некоем счастье в грядущем, надежды на которое вы часто мне внушали; это одни лишь мечты, одно воображение, не следовало бы и думать об этом, не правда ли? Но что вы хотите, не могу от этого удержаться. Кто не желает себе добра? И всякий раз, когда я думаю о том, что буду вознаграждена за свои страдания, мне вспоминаются наши разговоры с вами и те горячие пожелания счастья, которые вы мне высказывали. Неужели преступление желать себе счастья? Мысль эта ужасна. Ответьте мне, мой ангел, успокойте меня, ради самого неба. Бог мне свидетель, зла я никому не желаю, напротив, желаю ему всякого счастья, только чтобы я к этому не имела отношения. Как мне выдержать подобную жизнь? О дорогой мой друг, приободрите же меня своими письмами, своими советами, утешьте меня, мой ангел, напишите мне о добродетелях

Иммортеля. Я была бы в отчаянии, если бы он оказался недостойн моей любви, я бы себе этого не простила, это сделало бы меня навеки несчастной, ибо я люблю его так, что и выразить нельзя, люблю в нем решительно все; чем больше я думаю, тем яснее вижу, что это – настоящая любовь. Все то, что при моем характере в других меня отталкивает, в нем мне нравится, вот, например (не стану говорить о его притягательности, о его очаровании), я веселая, а он всегда серьезен, и что же, мне это в нем мило; я люблю танцевать, а он не танцует, и что же, я нахожу это очаровательным, мне даже кажется, что это ему идет. Впрочем, я танцевала с ним польский, до чего же я была тогда счастлива, да и он тоже – ни за какие царства не уступила бы я этого счастья – так радостно было держать его руку. При одном воспоминании у меня начинают литься слезы. До чего я слаба, боже мой! Простите меня, мой ангел! Для этого вам понадобится вся ваша снисходительность. Но не отказывайте мне в том, что может послужить мне утешением. Пишите мне об Иммортеле, ведь правда, есть какая-то мелодия даже в самом его взгляде, – воспользуюсь прелестным выражением, которое я только что прочла. Другого такого взгляда нет в целом мире. Я сейчас нашла в конфетах красивый билетик, только я переделала его по-своему, вот он:

Je partage ses goûts, toute ma jouissance
Serait dans son aimable entretien.
O, quand Il danse, j'aimerais la danse,
Après l'avoir quitte je n'ai du goût pour rien⁶.

Покидаю вас, иду на прогулку с Катенькой. Она торопит меня, до свидания, мой ангел, страстно прижимаю вас к сердцу.

⁶ У меня с ним одни вкусы. Все мое счастье в любезном разговоре с ним. Когда он танцует – и я бы танцевала, в разлуке с ним мне ничто не мило (*фр.*).

№ 7

В 7 часов.

Вернулась с прогулки, но моцион не пошел мне на пользу – у меня закружилась голова, так что, придя домой, я вынуждена была лечь, чтобы восстановить силы. У меня побаливает грудь, и я чувствую какую-то слабость. Но не беспокойтесь, мой ангел, постараюсь сохранить свое здоровье, чтобы любить вас.

Нынче вечером, в 8 часов, приезжал ко мне с визитом господин Бибииков с дочерью, г-жой Фигнер, молодой вдовой, очень любезной особой; она выказала весьма большое ко мне расположение и обещала приехать еще завтра поутру, прежде чем возвращаться к себе в деревню – это за 10 верст отсюда, она нарочно приехала в город, чтобы посетить меня. В воскресенье, то есть послезавтра, предполагаю поехать туда на целый день. Хочешь не хочешь, а надобно понемногу выезжать и встречаться с людьми, чтобы не быть совсем затворницей, а то ведь я покидаю свою комнату только на время прогулок, да и это время провожу в закрытой карете.

Полночь.

Только что прибыл П. Керн, он крайне со мною мил, говорит всякие любезности, то и дело целует ручки, поэтому волей-неволей и я с ним довольно приветлива, вы ведь знаете, какое у меня доброе и чувствительное сердце – тотчас же отзовется на всякое изъявление дружбы. А вот поучать себя я, разумеется, ему не позволю. Я думаю, что мне не дадут больше уделять столько времени моему писанию. Вот даже сейчас муж выговаривал мне за это, так что приходится отложить перо. Доброй вам ночи, мой ангел-хранитель, господь да благословит вас и его также.

3 июля в 10 часов.

Только я проснулась, мой ангел, как принесли ваше прелестное письмо, за которое бесконечно вас благодарю. Но признаться ли? Я не вполне им довольна, оно так коротко и вызывает у меня опасение – не больны ли вы? Да хранит вас от этого бог, милый мой друг, пишите мне так, как я вас о том просила – каждый день понемножку, а если вам не разобрать будет моего маранья – попросите у [неразб.] увеличительное стекло.

Вчера после ужина у меня не было времени, чтобы написать вам о разговоре, который был у нас за столом, а между тем он достаточно интересен, чтобы вы о нем узнали. Речь шла о графине Беннигсен, у которой, как утверждает мадемуазель, она служила. Муж стал уверять, что хорошо ее знает, и сказал, что это женщина вполне достойная, которая всегда умела превосходно держать себя, что у нее было много походов, но это простительно, потому что она очень молода, а муж очень стар, но на людях она с ним ласкова, и никто не заподозрит, что она его не любит. Вот прелестный способ вести себя. А как вам нравятся принципы моего драгоценного супруга?

Полдень.

Только что уехала г-жа Фигнер, и теперь я тверже, чем когда-либо, решила никого больше у себя не принимать и ни к кому не ездить. Терпеть подобные неприятности в присутствии посторонних – это уж слишком. Я больше не могу. Нужно вам сказать, что мой дорогой супруг их не жалуется, а причина в том, что там часто бывает молодежь из нашей бригады, и он не хочет, чтобы я там с ними встречалась. Она просила меня снова увидеться нынче поутру, как только встану с постели, и принять ее в моем кабинете, чтобы не стеснять мужа. Так он сговорился со своим дорогим племянником, вошел ко мне с любезнейшей физиономией и всякими своими обиняками начал, ни с того ни с сего, что он-де «человек не светский», а простой солдат, и, уж

по правде говоря, вполне доказал, что он *простой*, потом привел своего племянника и начал его укорять, что вот, дескать, его я видеть не пожелала, и все это с хитрой усмешкой, которая всегда у него бывает, когда он собирается сказать что-нибудь двусмысленное. Они со своим любезным племянником все время о чем-то шепчутся, не знаю, что у них там за секреты и о чем они говорят... а я так несчастна! Господин Керн вбил себе в голову, что должен всюду сопровождать меня в отсутствие своего дядюшки, и, мне кажется, собирается отправиться завтра к Бибиковым. Я не знаю, как отделаться, а и там не будут ему рады, он держится так важно, бог весть отчего.

Ермолай Федорович Керн (1765–1841) – русский генерал, участник войн против Наполеона, первый муж Анны Керн.

Художник Д. Доу. 1830-е гг.

«Его невозможно любить – мне даже не дано утешения уважать его; скажу прямо – я почти ненавижу его».

(Из дневника А. Керн)

Вы и теперь будете говорить, что счастье мое зависит от меня? Конечно, нет. Для этого вы слишком разумны. Итак, он считает, что любовников иметь непростительно, только когда муж в добром здравии. Какой низменный взгляд! Каковы принципы! У извозчика и то мысли более возвышенные; повторяю опять, я несчастна – несчастна оттого, что способна все это понимать. Пожалейте вашу Анету, еще немного – и она потеряет терпение. Вот какой этот *почтенный*, этот *деликатный*, этот *добрый* человек, этот человек *редких правил*. Пусть поймут, как велика та жертва, на которую меня обрекли. Содрогнутся! О, как жаль мне несчастного моего отца, если он любит меня и если есть у него глаза. Только ежели он станет говорить с вами об этом, скажите ему, что страдаю я не из-за одной ревности.

Половина четвертого.

Признаться, меня немного мучила совесть – следует ли мне огорчать вас, поверяя вам все свои горести, но я полагаю, что неполная откровенность была бы еще хуже. *C'est aux jours de l'affliction que l'âme va reposer et s'épancher dans celle d'un ami avec cette confiante exactitude, qui n'appartient qu'à elle. Ceux qui prétendent que par délicatesse ont droit de cacher ses chagrins a ceux qu'on aime, Injurient l'amitié ca son plus charmant caractère est de s'emparer des peines et de partager les plaisirs. On aime peu son ami ou on le mal estimé quand on lui ravit le droit de sentir tout ce qu'on éprouve*⁷.

Я нахожу, что это очень верная мысль, думаю, вы будете того же мнения.

Половина одиннадцатого.

Сегодня, как обычно, была на прогулке. Г-н Керн сопровождал нас верхом, мы видели, как проехал Лаптев. Мне стало известно, что Магденко старался примирить с ним мужа – это сообщалось в письме [неразб.] к Киру И., еще он ему написал, будто Лаптев согласен на это примирение из-за меня, потому что он меня любит и уважает. Все-таки мне это приятно. Завтра буду у обедни и увижу Лаптева. Меня занимает, как произойдет эта встреча. Еще одна новость. Император проедет через Порхов 9-го числа, муж собирается поехать встречать его. Бог знает, что выйдет из этого. В газетах пишут, будто в Париже собралось 20 тысяч человек и все кричали: «Да здравствует Наполеон!» – и хотели прогнать короля. Говорят, будто от этого может случиться война. Как бы хорошо! Говорят, охотно веришь тому, чего желаешь. Вот и я готова этому поверить. Еще говорил сегодня один наш знакомый генерал, что он видел какой-то огненный столб – что значит война. Прощайте, драгоценный мой друг, отдыхайте хорошенько, молитесь за вашу Анету. Забыла написать, что завтра я вместе с Катенькой еду в гости за 10 верст отсюда, так что у меня до самого вечера не будет больше времени беседовать с вами, может быть, целый день будет пропущен.

Еще должна вам сообщить, что П. Керн собирается остаться у нас довольно надолго, со мною он более ласков, чем следовало бы, и гораздо более, чем мне бы того хотелось. Он все целует мне ручки, бросает на меня нежные взгляды, сравнивает то с солнцем, то с мадонной и говорит множество всяких глупостей, которых я не выношу. Все неискреннее мне противно, а он не может быть искренним, потому что я его не люблю. Сколько бы он ни притворялся, не может и не должен он меня любить, слишком он обожает своего дядюшку, а тот совсем меня

⁷ Именно в дни скорби ищет душа успокоения, изливаясь душе друга с той доверчивой откровенностью, которая присуща дружбе. Те, кто полагает, будто дозволено из деликатности таить свои горести от тех, кого любишь, оскорбляют дружбу, ибо самое пленительное ее свойство – брать на себя горести друга и разделять его радости. Не любит или не уважает своего друга тот, кто отнимает у него право чувствовать все то, что испытывает он (*фр.*).

к нему не ревнует, несмотря на все его нежности, что меня до чрезвычайности удивляет, – я готова думать, что они между собой сговорились, ведь вы же знаете, какой мой муж подозрительный. Не всякий отец так нежен с сыном, как он с племянником. Ах, когда бы была жива та женщина, как было бы хорошо, я тогда не знала бы Керна, жила бы себе подле вас, счастливая, спокойная, и дневник этот не был бы столь печален. Прощайте, мой ангел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.